

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

(Окончаніе).

III ¹⁾.

Вторая Бобруйская повѣрочная комиссія.

Князь Дивѣевъ очень скоро пріѣхалъ. Я объѣхалъ съ нимъ волости III участка; водворилъ его и отправился въ Минскъ получить тамъ инструкцію для новой дѣятельности моей. Я засталъ въ Минскѣ полный переворотъ въ составѣ администраціи. Губернаторъ Кожевниковъ уѣхалъ; мѣсто его занималъ полковникъ Павелъ Николаевичъ Шелгуновъ. Я явился ему, убѣдился, что это очень любезный молодой гвардеецъ; но указаній онъ и не пытался давать мнѣ, какъ человѣкъ совершенно не знакомый съ крестьянскимъ дѣломъ; а о повѣрочныхъ комиссіяхъ онъ зналъ только по наслышкѣ. Онъ направилъ меня за указаніями къ членамъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ этомъ присутствіи былъ полный переворотъ. Оба безцвѣтные члена губернскаго присутствія получили другія назначенія; а на мѣсто ихъ были назначены Божовскій, бывший председатель Борисовской повѣрочной комиссіи, и Михаилъ Борисовичъ Тургеневъ, бывший членъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, тоже очень симпатичный человѣкъ и уже опытный дѣятель по крестьянскому дѣлу. Готовцевъ, управляющій палаты государственныхъ имуществъ, уже уѣхалъ въ Варшаву, по вызову Н. А. Милютина. Перемѣны были большія, вѣянія новыя.

Божовскій порадовался моему новому назначенію, но отказался давать мнѣ какія-либо указанія, ссылаясь на новизну своего поло-

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

женія въ губернскомъ присутствіи. Онъ напомнилъ мнѣ наши зимніе разговоры и споры, и выразилъ мнѣніе, что доводы, высказанные тогда членами повѣрочныхъ комиссій, на общемъ съѣздѣ, очевидно, признаны въ Вильнѣ правильными. По его словамъ, губернатору Шелгунову поручено: представить объ измѣненіяхъ, оказавшихся необходимыми, въ инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ, и надо полагать, инструкція эта въ очень скоромъ времени будетъ значительно измѣнена.

Въ Минскѣ я встрѣтился съ помощникомъ моимъ, Федоромъ Васильевичемъ Вахрамѣевымъ. Это былъ типичный петербургскій чиновникъ. Онъ кончилъ курсъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, служилъ въ Петербургѣ, кажется, въ казенной палатѣ. Это былъ безусловно честный, порядочный, скромный, добрый и трудолюбивый человѣкъ. Еще въ пути отъ Минска до Бобруйка, мы сошлись съ нимъ настолько, что я предложилъ ему поселиться на моей просторной квартирѣ. Онъ охотно принялъ мое предложеніе, и мы тутъ дружно, мирно прожили съ нимъ два года, вплоть до моего выѣзда изъ Бобруйска. Никогда не было между нами никакихъ споровъ, ссоръ; онъ всегда былъ вѣрнымъ помощникомъ мнѣ, искреннимъ товарищемъ.

Для начала дѣятельности 2-й повѣрочной комиссіи, я выбралъ нѣсколько небольшихъ имѣній, съ обстоятельствами которыхъ я ознакомился, еще будучи мировымъ посредникомъ, разбирая тамъ нѣсколько незначительныхъ жалобъ крестьянъ. Проверка уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ прошли спокойно; не было никакихъ значительныхъ возраженій.

Дѣйствія повѣрочныхъ комиссій происходили такъ: комиссія въ назначенный день пріѣзжала въ деревню, гдѣ ее ожидалъ уже собранный сельскій сходъ крестьянъ. Комиссія состояла изъ предсѣдателя, его товарища и изъ мѣстнаго мирового посредника. Къ присутствованію при дѣйствіяхъ повѣрочной комиссіи обязательно вызывался помѣщикъ этого имѣнія, или его повѣренный. Прочитывалась уставная грамота; проверялось, всѣ ли домохозяева записаны въ ней, правильно ли означены размѣры ихъ участковъ, такъ какъ землевладѣніе въ Минской губерніи было подворное, и не были ли, до составленія уставной грамоты, или послѣ нея, отобраны у крестьянъ какіе-либо участки земли; отобранныя земли надо было возвратитъ крестьянамъ и включить въ выкупной актъ. Для опредѣленія выкупной цѣны земли крестьянъ, производилась оцѣнка ея, правила которой были указаны въ инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ. Для оцѣнки земли, надо было сдѣлать подробный осмотръ всѣхъ участковъ выкупной земли. Этотъ осмотръ занималъ много

времени и бывалъ очень утомителенъ, если участки земли были раскиданы. Осмотръ земли надо было производить очень внимательно и съ знаніемъ дѣла, потому что цѣна земли опредѣлялась ея качествомъ. Суглинистая пахотная земля цѣнилась дорого, супесчаная дешевле, а совсѣмъ песчаная очень дешево. Сѣнокосы точно также цѣнились очень разнообразно, по качеству травы, растущей на нихъ. Неудобныя земли, то есть топкія болота, сыпучіе пески, исключались изъ оцѣнки и поступали къ крестьянамъ бесплатно, если находились среди ихъ надѣловъ. Въ Великороссіи и Малороссіи мы привыкли, что однообразная почва—суглиномъ, черноземъ, песокъ—тянется на сотни верстъ. При такихъ условіяхъ, оцѣнка много облегчается. Въ Минской губерніи, да и вообще въ Сѣверо-Западномъ краѣ, условія почвы совершенно иныя. Тамъ, на разстояніи одной квадратной версты, можно найти два, три, рѣзко отличающіеся сорта земли, отъ тяжелой глины до сыпучаго песку. Вслѣдствіе этого, осмотръ надо производить очень подробно, точно. Всѣ эти разнообразныя почвы надо опредѣлить, надо каждому клочку назначить свою цѣну. При томъ, земельные надѣлы крестьянъ Минской губерніи рѣдко составляютъ одну сплошную площадь, на цѣлую деревню, какъ у насъ въ Великороссіи, а большею частью раскиданы клочками по разнымъ мѣстамъ. Это еще болѣе усложняетъ осмотръ земель и оцѣнку ихъ. Производя повѣрки этихъ уставныхъ грамотъ, я вполнѣ оцѣнилъ ясность, простоту отношеній крестьянъ къ помѣщику въ нашихъ русскихъ губерніяхъ. Повѣрку уставныхъ грамотъ Минской губерніи окончательно затрудняли, дѣлали неприятной враждебныя отношенія, озлобленіе крестьянъ-бѣлоруссовъ къ помѣщикамъ-полякамъ. Это озлобленіе проявилось особенно рѣзко въ двухъ имѣніяхъ: у Ратынскаго, бобруйскаго уѣзднаго предводителя дворянства, и у вдовы помѣщицы, фамилію которой не помню.

Послѣ работъ въ нѣсколькихъ спокойныхъ имѣніяхъ, о которыхъ я упоминалъ выше, я назначилъ повѣрку уставныхъ грамотъ въ имѣніи Ратынскаго. Я полагалъ, что у такого богатаго и высокопоставленнаго лица не встрѣтятся важныя недоразумѣнія. При томъ я желалъ выказать ему уваженіе, почетъ, производя у него повѣрку раньше, чѣмъ у другихъ помѣщиковъ. Оказалось, что всѣ мои расчеты были ошибочны. Изъ того же желанія быть очень вѣжливымъ, я не послалъ ему повѣстки черезъ полицію, а передалъ ихъ ему лично, на его квартирѣ въ Бобруйскѣ. Я объяснилъ ему также, что, будучи мировымъ посредникомъ, никогда не заѣзжалъ къ помѣщикамъ и полагаю дѣйствовать также, какъ председатель повѣрочной комиссіи; но у него лично прошу госте-

примства, какъ у человѣка, котораго положеніе выдающееся. Когда я говорилъ это, на лицѣ Ратынскаго выражалось озлобленіе; ротъ перекосился; но онъ овладѣлъ собою и съ обычною своею приторною любезностью просилъ: непременно остановиться у него, оказать ему эту честь. Поляки вообще люди вѣжливые, потому я никакъ не могъ ожидать, чтобы Ратынскій не разыгралъ съ нами комедію любезности въ своемъ домѣ, какъ и я, конечно не искренно, но по общественнымъ отношеніямъ, ѣхалъ въ его домъ. Къ сожалѣнію, Ратынскій былъ такъ малодушенъ, что сдѣлалъ повѣрочной комиссіи рядъ невѣжливостей, даже дерзостей, въ отвѣтъ на наше безупречно вѣжливое, почтительное поведеніе.

Прежде всего, когда повѣрочная комиссія пріѣхала въ его имѣніе, онъ не явился на повѣрку уставной грамоты, чѣмъ очень затруднилъ работу повѣрочной комиссіи, такъ какъ крестьяне заявили, что у нихъ отобранъ значительный участокъ сѣнокосовъ. Когда вечеромъ, окончивъ работу, мы заѣхали къ Ратынскому, онъ отвелъ намъ нетопленную комнату, не далъ пообѣдать; постели намъ дали только по настойчивому моему требованію, точно также, какъ чай и нѣсколько ветчины съ хлѣбомъ. Мы такъ оскорбились этимъ издѣвательствомъ, что утромъ, не пивши чаю, уѣхали изъ его дома; но передъ отъѣздомъ, я высказалъ ему: какъ недостойно онъ поступилъ и какое презрѣніе возбудилъ въ насъ. Я разъяснилъ ему, что онъ могъ еще въ Бобруйскѣ сказать мнѣ, что не можетъ или не желаетъ принять насъ; но не имѣетъ права оскорблять насъ, когда мы являемся къ нему, какъ чиновники правительства. Я упомянулъ, что если бъ мы довели до свѣдѣнія М. Н. Муравьева о его поступкѣ, онъ не оставилъ бы его безнаказаннымъ; но мы настолько порядочные люди, что не донесемъ, и ограничимся удаленіемъ изъ негостепріимнаго, неблаговоспитаннаго дома. Ратынскій не ожидалъ такой рѣшительности съ нашей стороны, завилалъ, сталъ увѣрять, что все это произошло по недоразумѣнію, и такъ далѣе.

Мы еще нѣсколько дней провели въ его имѣніи; жили въ избѣ, добыли самоваръ у жида-шинкаря, а обѣдъ намъ готовила какая-то баба; мы были сыты, намъ было тепло, и мы смѣялись, вспоминая, какъ Ратынскій холодомъ и голодомъ изгналъ насъ, простодушныхъ руссаковъ. Происшествіе это не обошлось однако даромъ Ратынскому. Прежде всего, его осудили поляки. Между ними конечно нашлись порядочные люди, которымъ не по сердцу было неблаговоспитанное поведеніе маршалка ихъ; затѣмъ крестьяне озлобились на него и съ остервенѣніемъ рассказывали всѣ его притѣсненія и несправедливости. Повѣрочная комиссія возвратила имъ много земель. Наконецъ, слухъ объ скандалѣ дошелъ до власть имущихъ, и Ратынскому

посоветовали удалиться. Это былъ первый и послѣдній мой опытъ сблизиться съ поляками-помѣщиками. Я завелъ себѣ тарантасъ, тройку лошадей, повара, и мы компаніей останавливались въ крестьянскихъ избахъ, волостныхъ правленіяхъ, училищахъ, готовили себѣ постоянно теплую пищу; запасы возили всѣ съ собою.

Другой случай шумной повѣрки уставной грамоты былъ у вдовы-помѣщицы; она явилась въ сопровожденіи ксендза, который заявилъ комиссіи, что владѣлица имѣнія не говоритъ и не понимаетъ по-русски и поручила ему объясняться за нее. Я записалъ заявленіе это въ протоколъ, помѣщица подписала его (по-польски). Начался разборъ уставной грамоты. Крестьяне заявили о рядѣ злоупотребленій помѣщицы: отобраны усадебныя мѣста, луга, пастбище. Когда помѣщица услышала эти заявленія крестьянъ, она набросилась на нихъ, чуть не съ сжатыми кулаками; ругала ихъ непозволительно. Я пытался остановить ее; она не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія. Я попросилъ ксендза унять ее. Онъ съ улыбкой заявилъ, что надо дать высказаться обѣимъ сторонамъ, разъяснить дѣло. Я возразилъ ему, что слышу не разъясненія, а ругань, которую не могу допустить. Ксендзъ съ тою же улыбкою сказалъ, что женщины всегда увлекаются, надо быть снисходительнымъ къ нимъ. Я настойчиво требовалъ, чтобы помѣщица замолчала, такъ какъ она довѣрила свое дѣло повѣренному. Тутъ злая барыня обратила весь свой гнѣвъ на меня, стала укорять меня, что я варваръ, достойный посланецъ изверга Муравьева, и такъ далѣе.

Я приостановилъ разбирательство, послалъ за становымъ приставомъ, благо онъ жилъ не далеко, въ мѣстечкѣ Глужскѣ. Явился становой приставъ, составилъ актъ; я потребовалъ удаленія помѣщицы, такъ какъ она форменно заявила, что довѣряетъ давать объясненія комиссіи ксендзу. Ксендзъ отказывался давать объясненія безъ помѣщицы. На усиленные просьбы его и ручательство, что помѣщица не будетъ болѣе нарушать порядка, я согласился оставить ее; но все-таки пришлось нѣсколько разъ еще, чуть не силою, унимать ее. Жалобы крестьянъ оказались справедливыми; комиссія постановила: возвратитъ крестьянамъ отобранныя земли. Выслушавъ постановленіе комиссіи, помѣщица опять разразилась руганью, а ксендзъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: что Богъ не прощаетъ жестокосердіе, и что онъ будетъ въ молитвахъ своихъ, передъ алтаремъ, просить Бога защититъ обиженную вдовицу. Господь услышитъ его молитвы и обрушитъ свой гнѣвъ на угнетателей слабыхъ.—Плохо ли онъ молился, или правда была на нашей сторонѣ, но рѣшеніе комиссіи, несмотря на обжалованіе, было утверждено; а ксендзъ пострадалъ; объ этомъ скажу далѣе.

Гораздо позже я узналъ, что Ратынскій былъ убѣжденъ, что слухъ объ уходѣ Муравьева справедливъ; а поляки были увѣрены, что съ уходомъ Муравьева вся его система будетъ отброшена, и дѣйствія повѣрочныхъ комиссій будутъ сведены на нѣтъ; ихъ сдѣлаютъ безвредными. Онъ надѣялся оттянуть повѣрку уставныхъ грамотъ у себя въ имѣніи до этихъ блаженныхъ часовъ, а я разстроилъ его надежды. Онъ не явился на повѣрку уставныхъ грамотъ въ убѣжденіи, что безъ него нельзя производить повѣрку, и авось она отложится. Что касается негостепріимства его, то оно произошло отъ упорства жены его, ненавидящей москалей и сознательно устроившей этотъ скандалъ. Увѣряли, что подговорилъ ее къ тому тотъ самый ксендзъ, который такъ неуспѣшно защищалъ сирую вдовицу; онъ былъ въ этотъ день у Ратынскаго и руководилъ гостепріимствомъ.

Что касается ксендза, то онъ такъ зарвался, что въ слѣдующее воскресенье, послѣ защиты сирой вдовицы, онъ въ костелѣ, въ проповѣди своей, обратился къ присутствовавшимъ крестьянамъ съ выговоромъ за ихъ жалобы на отборъ земель; призвалъ на нихъ кары небесныя за ихъ нехристіанскія чувства къ угнетеннымъ въ эту минуту панамъ и даже будто бы призвалъ всѣ кары небесныя на головы злодѣевъ, которые поддерживаютъ крестьянъ. На другой день балашевичскій волостной старшина явился ко мнѣ, рассказалъ все это и сказалъ, что крестьяне требуютъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Бобруйскъ и донесъ объ этихъ проклятіяхъ военному начальнику. Онъ поѣхалъ, донесъ Полѣнову, и дѣйствительно ксендзъ былъ куда-то высланъ вскорѣ.

Эти два случая столкновенія съ польскими помѣщиками были единственными въ теченіе двухъ лѣтъ службы моей мировымъ посредникомъ и предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи въ Минской губерніи. Оба столкновенія были возбуждены и устроены ксендзомъ, который старался всячески возбудить поляковъ противъ русскаго правительства и запугать русскихъ чиновниковъ противодѣйствіемъ. Оба случая произошли въ началѣ дѣятельности 2-ой повѣрочной комиссіи, пока поляки не убѣдились, что скандалы эти не испугали комиссію, что она ни въ чемъ не измѣнитъ своего образа дѣйствій, и они этимъ ничего не достигнутъ, а напротивъ, отвѣчать за скандалы придется имъ же. Узнавши ближе меня лично, поляки поняли, что меня нельзя запугать, я не оробѣю и всегда доведу до конца разбирательство.

Послѣ этихъ двухъ столкновеній, повѣрка уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ шло очень спокойно. Въ вѣсколькихъ имѣніяхъ были также открыты отборы земель у крестьянъ,

но помѣщики сознавали неизбежность возвращенія этихъ земель крестьянамъ и молча подчинялись необходимости. Они, разумѣется, обжаловали всѣ наши рѣшенія въ губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ и даже въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но скандаловъ не устраивали болѣе.

Упомянувъ о стремленіи запугать меня скандалами, расскажу продолженіе попытокъ революціоннаго комитета запугать меня приговорами къ смерти. Первый смертный приговоръ мой былъ врученъ мнѣ на маскарадѣ въ Вильнѣ, когда я любовался мазуркою. Когда я пріѣхалъ въ Бобруйскъ и вступилъ въ должность мирового посредника, я получилъ по почтѣ второе предостереженіе и приказъ революціоннаго комитета: немедленно удалиться обратно въ Россію, подъ угрозой смерти. Къ этому документу была приложена печать, изображавшая топоръ. Я показалъ этотъ документъ военному начальнику Полѣнову; тотъ объяснилъ мнѣ, что печать съ топоромъ принадлежитъ главѣ Минскаго польскаго революціоннаго комитета, бывшему полковнику генеральнаго штаба (кажется) Свенторжецкому; что такое предостереженіе получилъ и онъ, съ мѣсяцъ назадъ, но слава Богу живъ и здоровъ; а черезъ нѣсколько дней, онъ съ сіяющимъ лицомъ объявилъ мнѣ, что угрожавшій намъ топоръ (революціонная кличка Свенторжецкаго) самъ попалъ въ руки русскаго правительства и, вѣроятно, будетъ на-дняхъ разстрѣлянъ. Когда я, по назначеніи меня предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи, возвратился изъ Минска, я нашелъ на столѣ у себя въ Бобруйскѣ конвертъ, принесенный въ мое отсутствіе какимъ-то неизвестнымъ евреемъ. Въ конвертѣ былъ третій смертный приговоръ, такого же содержанія, какъ первые, съ обозначеніемъ даже дня моей казни. Этотъ приговоръ я уже не предъявлялъ никому, а для памяти хранилъ много лѣтъ. Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, и я живъ.

Вторая Бобруйская повѣрочная комиссія работала въ 1864 году до поздней осени, пока снѣгъ покрылъ землю и сдѣлалъ невозможнымъ осмотръ угодій. На зиму мы возвратились въ Бобруйскъ, занялись приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ нами выкупныхъ актовъ, для сдачи ихъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Приведя въ порядокъ сдѣланныя нами работы, я повезъ выкупные акты въ Минскъ, желая присутствовать при ихъ разсмотрѣніи въ губернскомъ присутствіи и выслушать всѣ новыя вѣянія, тѣ измѣненія въ инструкціи, которыя обѣщаль совѣщательный комитетъ при генераль-губернаторѣ.

По личному своему составу и по направленію, Минское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе измѣнилось корен-

нымъ образомъ. Божовскій освоился уже въ новой своей должности; Тургеневъ, образованный и опытный дѣятель крестьянскаго дѣла, шелъ съ нимъ рука въ руку. Предсѣдатель присутствія, губернаторъ Шелгуновъ, не въ силахъ былъ оспаривать что-либо, имъ сдѣланное по незнакомству съ дѣломъ; а губернский предводитель дворянства, Крушинскій, опротестовывалъ все и тѣмъ окончательно ослабилъ значеніе своего протеста; дѣятельность его была теперь безуспѣшна. Привезенные мною выкупные акты прошли чрезъ губернское присутствіе спокойно; всѣ были утверждены. Но новыхъ вѣяній я не нашелъ; никакихъ исправленій и дополненій инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ совѣщательный комитетъ не выработалъ, и дѣло оставалось все при томъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ годъ назадъ, послѣ общихъ совѣщаній повѣрочныхъ комиссій при Кожевниковѣ. Повидавшись со всѣми своими знакомыми, потолкавшись въ губернскомъ присутствіи, я возвратился въ Бобруйскъ.

Въ теченіе зимы, мировой посредникъ Васьковъ оставилъ должность свою; на его мѣсто былъ присланъ въ Бобруйскъ Николай Павловичъ Яковлевъ, молодой человекъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій московскаго генераль-губернатора Тучкова. Неопытный по крестьянскому дѣлу юноша этотъ скоро освоился съ крестьянскимъ міромъ и былъ очень полезный мировой посредникъ. Н. П. Яковлевъ былъ человекъ очень общительный, дружески сошелся съ нами; у насъ образовался свой искренній кружокъ — Вахрамѣевъ, князь Дивѣевъ и я. Легче стало жить, незамѣтно прошла зима. Съ первой повѣрочной комиссіей мы мало сходились; да члены ея мало и жили зимою въ Бобруйскѣ; они уѣхали въ Минскъ.

Прошла зима; въ концѣ марта мѣсяца снѣгъ стаялъ настолько, что въ первыхъ числахъ апрѣля 2-ая повѣрочная комиссія приступила опять къ повѣркѣ уставныхъ грамотъ и составленію выкупныхъ актовъ. Это лѣто работали почти исключительно въ имѣніяхъ князя Витгенштейна. Обширныя владѣнія князя Витгенштейна занимали всю западную часть Бобруйскаго уѣзда, къ границѣ Слуцкаго уѣзда; четыре волости: Новодорожская, Осовецкая, Заболотская и Горковская были заняты исключительно имѣніями князя Витгенштейна. Эта вотчина перешла въ родъ князя Витгенштейна отъ польскаго магната Радзивила, дочь котораго вышла замужъ за фельд-маршала князя Витгенштейна. Владѣнія Радзивила находились въ нѣсколькихъ уѣздахъ Минской губерніи, Виленской, Ковенской. У него были сверхъ того драгоцѣнныя вотчины въ Воляни, Кіевской и Подольской губерніяхъ. Все это несмѣтное богатство оставалось до 1865 года въ томъ же состояніи, какъ оно перешло отъ

Радзивила. Князь Витгенштейнъ не измѣнилъ тамъ ничего; оставилъ прежнюю администрацію, всѣ старинные порядки, всѣ имѣнія и фольварки, сданные въ аренду еще при Радзивилѣ (пане коханку!), такъ и оставались въ арендѣ у тѣхъ же лицъ, переходя по наследству отъ отца къ сыну, внуку; арендная плата оставлялась также до настоящихъ дней та самая, какая была при Радзивилѣ.

Тогдашній владѣлецъ этого богатства былъ молодой, гвардейскій кавалерійскій офицеръ; я сталкивался съ нимъ въ обществѣ, въ Петербургѣ, не одинъ разъ. Безпечный, веселый свѣтскій человекъ, онъ не входилъ вовсе въ управленіе своими имѣніями; поручилъ заботу эту своему главному управляющему и требовалъ только, чтобы на всякое его требованіе денегъ ему подавали, сколько ему нужно было въ эту минуту, и чтобы въ лѣсахъ его всегда былъ готовъ тотъ звѣрь и та дичь, на которую онъ выѣзжалъ со своими друзьями.

Для присутствованія при провѣркѣ уставныхъ грамотъ, администрація имѣній князя Витгенштейна командировала въ повѣрочную комиссію двухъ повѣренныхъ, очень приличныхъ и порядочныхъ. Поляки, они объяснялись по-русски настолько, что мы понимали другъ друга. Крупныхъ злоупотребленій въ имѣніяхъ князя Витгенштейна не было; но встрѣчались мелкія, въ которыхъ главная администрація была неповинна, и которыя происходили отъ жадности арендаторовъ и мелкихъ служащихъ. Повѣренные Витгенштейна никогда не оспаривали эти злоупотребленія, но за то они никогда и не помогали намъ разслѣдовать и разяснить ихъ. Они спорили только противъ оцѣнокъ земли, дѣлаемыхъ повѣрочной комиссіей; но дѣлали это прилично, при подписываніи протоколовъ оцѣнки, и въ протестахъ, подаваемыхъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Переѣзжая изъ деревни въ деревню, мы провели большую часть лѣта въ имѣніи князя Витгенштейна. Если опросы и разбирательства были тамъ просты, то осмотры земель были очень утомительны и занимали много времени. Вся западная часть Бобруйскаго уѣзда, составлявшая имѣніе князя Витгенштейна, была сплошь покрыта лѣсомъ. Да какимъ лѣсомъ! Вѣковымъ, почти не тронутымъ топоромъ! Среди этихъ лѣсовъ были раскиданы деревни. Почва на всемъ пространствѣ была песчаная, а потому пахатныя поля крестьянъ были переложныя, то есть требовавшія послѣ одного урожая отдыха на нѣсколько лѣтъ. Крестьяне разыскивали въ лѣсахъ болѣе удобныя для посѣва ржи земли, снимали съ нея урожай, затѣмъ переходили на другой участокъ, а прежнему давали отдыхать два, три года. Отъ этого пахатныя земли крестьянъ были разбросаны по всему

лѣсу мелкими полянами. Сѣнокосовъ около деревни было мало; они расположены были также по лѣсамъ, гдѣ удобнѣе было. Всѣ эти участки надо было объѣхать, осмотрѣть. Добраться до нихъ въ экипажѣ было трудно; приходилось ѣздить верхомъ, а часто даже пѣшкомъ, утопая по колѣно въ болотахъ.

Одно утѣшеніе, при этихъ утомительныхъ объѣздахъ и обходахъ, было—любоваться дѣвственной, роскошной растительностью лѣсовъ. Тутъ были сотни десятинъ мачтоваго, сосноваго лѣса, дубы въ три обхвата, клены, ясени. Звѣрья всякаго въ лѣсахъ этихъ было множество, невѣроятное количество. Охота въ лѣсахъ была строго запрещена, и запрещеніе это, повидимому, соблюдалось; иначе не могло бы расплодиться такое обиліе всякихъ звѣрей. Встрѣтить тамъ медвѣдя было дѣло заурядное. Я видѣлъ даже, какъ медвѣдь, не обращая на меня никакого вниманія, разорялъ площадку на высокой соснѣ, гдѣ стояли помѣщенные туда крестьянскіе ульи съ пчелами; я видѣлъ цѣлое бобровое селеніе, состоявшее изъ ихъ оригинальныхъ построекъ. О дикихъ козахъ, кабанахъ, лисицахъ говорить нечего! они ходили стаями. Птицы: глухари, рябчики не очень пугались при видѣ людей, а при объѣздахъ сѣнокосовъ утки и всякая болотная дичь вылетали безпрестанно изъ-подъ ногъ лошади; охота была богатѣйшая. Къ сожалѣнію, изъ насъ не было ни одного охотника; у насъ не было даже хоть плохенькаго ружья. Мы провели въ этихъ лѣсахъ все лѣто, пріѣзжая въ Бобруйскъ на нѣсколько дней получить жалованье и запастись съѣстными припасами. За то работа шла у насъ быстро, и къ концу осени почти во всѣхъ селеніяхъ Бобруйскаго 3-го участка выкупные акты были составлены, а работы по имѣнію князя Витгенштейна совершенно окончены. Прощаясь съ нами, повѣренные князя любезно предупредили насъ, что, по принципу и по распоряженію своего начальства, они обжаловали всѣ составленные нами выкупные акты; но, говоря по душѣ, они признаютъ наши оцѣнки умеренными и съ уваженіемъ относятся къ нашимъ дѣйствіямъ.

Въ Бобруйскѣ мы услышали крупныя новости: генералъ-губернаторъ М. Н. Муравьевъ былъ замѣненъ генераломъ Кауфманомъ. Рассказывали, что новый генералъ-губернаторъ громко провозглашаетъ, что онъ будетъ идти по слѣдамъ М. Н. Муравьева, продолжить образъ дѣйствій его. Однако, никто не вѣрилъ этому. Всѣ сознавали, что Муравьевъ отозванъ въ Петербургъ, чтобы имѣть возможность, по удаленіи его, измѣнить систему управленія краемъ, и ожидали съ часу на часъ крупной ломки всего устроеннаго Муравьевымъ. Такихъ быстрыхъ перемѣнъ, какъ ожидали поляки, не было, однако, и осенніе мѣсяцы прошли тихо.

Въ ноябрѣ и декабрѣ, вторая повѣрочная комиссія приводила въ порядокъ свои лѣтнія работы, и въ концѣ декабря я отвезъ въ Минскъ составленные комиссіею выкупные акты. Тутъ я услышалъ очень много печальнаго. Разсказывали, что въ Вильнѣ составъ слушающихъ сильно измѣненъ. Зубковъ, Синявскій оставили службу въ совѣщательной комиссіи; Синявскій уже получилъ назначеніе въ царствѣ Польскомъ председателемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Бѣлѣ. Выработанная ими новая инструкція повѣрочнымъ комиссіямъ не утверждена, вслѣдствіе множества жалобъ поляковъ-помѣщиковъ Минской губерніи, члену совѣщательной комиссіи Хоментовскому поручено пересмотрѣть всѣ минскіе выкупные акты, созвать въ январѣ мѣсяцѣ членовъ минскихъ повѣрочныхъ комиссій и дать имъ указанія, для болѣе правильныхъ и систематичныхъ дѣйствій въ слѣдующее лѣто. Для усиленія въ Минскѣ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи благоразумнаго управленія, туда былъ назначенъ третій членъ присутствія полковникъ Кавелинъ, человекъ совершенно иныхъ убѣжденій, чѣмъ Тургеневъ и Божовскій; это былъ типичный крѣпостникъ, и онъ съ первыхъ же засѣданій сталъ поддерживать поляка, губернскаго предводителя дворянства Прушинскаго.

Вскорѣ мы дѣйствительно получили приглашеніе собраться въ Минскъ, для полученія указаній отъ полковника Хоментовскаго, насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій повѣрочныхъ комиссій и обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. Число членовъ повѣрочныхъ комиссій, собравшихся теперь въ Минскъ, было много больше, чѣмъ въ 1864 г., потому что во всѣхъ уѣздахъ были образованы вторыя повѣрочныя комиссіи. Члены повѣрочныхъ комиссій, участвовавшіе въ первомъ общемъ сѣздѣ комиссій, два года назадъ, явились теперь совершенно иными. Проработавъ три года, они хорошо знали свое дѣло, говорили твердо, самоувѣренно. Изъ числа новыхъ членовъ повѣрочныхъ комиссій было нѣсколько очень дѣльныхъ, разумныхъ. Общее настроеніе духа было очень приподнятое; высказывалось намѣреніе твердо отстаивать свои работы.

Членъ совѣщательной комиссіи Хоментовскій, которому мы, по требованію губернатора, сдѣлали визитъ, показался мнѣ очень не симпатичнымъ; сухой, безстрастный на видъ, неразговорчивый человекъ. Онъ говорилъ со всѣми, какъ будто дѣлалъ докладъ въ какомъ-нибудь засѣданіи: правильно, осторожно, не возвышая голоса, размѣряя слова; не высказывалъ никакихъ мнѣній, обходилъ все насъ занимавшее, ограничиваясь общими словами о необходимости соблюдать законы, преданности отечеству и тому подобное.

Наступилъ день перваго засѣданія. На предварительномъ совѣ-

щаніи нашемъ было рѣшено: просить Хоментовскаго занять мѣсто предсѣдателя и руководить засѣданіемъ. Онъ скромно отказался, сказавъ, что ему надо выслушивать наши мнѣнія, и занялъ мѣсто въ послѣднихъ рядахъ стульевъ. Засѣданіе происходило въ одной изъ комнатъ Дворянскаго собранія. Предсѣдателемъ былъ избранъ Божовскій. Затѣмъ былъ составленъ комитетъ изъ двухъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и нѣсколькихъ членовъ повѣрочныхъ комиссій, которому было поручено вести журналъ засѣданій и составлять постановленія совѣщанія. Въ комитетъ этотъ попалъ и я.

Засѣданія продолжались недѣли двѣ. Рѣзко обозначились двѣ партіи: русская партія и партія полякующихъ. Божовскій былъ главою и душою русской партіи. Главою партіи полякующихъ былъ Климовъ, предсѣдатель новогрудской повѣрочной комиссіи; человекъ очень не глупый, смѣлый, самоувѣренный, офицеръ гвардейскаго уланскаго полка. Онъ работалъ въ повѣрочной комиссіи три года, зналъ дѣло прекрасно, но у него не было твердыхъ нравственныхъ убѣжденій. Разъѣзжая по богатому Новогрудскому уѣзду, онъ останавливался у помѣщиковъ-поляковъ и безсознательно попалъ подъ ихъ вліяніе. Въ партію полякующихъ поступили всѣ тѣ люди, которые высказали свою слабость, неспособность и безхарактерность еще въ 1864 году, на засѣданіяхъ общаго сѣзда повѣрочныхъ комиссій. Теперь они явно пошли на сторону поляковъ, узнавъ, что въ Вильнѣ Муравьевское направленіе не въ авантажѣ. Сильныхъ, дѣловыхъ людей тамъ было двое—Климовъ и Кавелинъ; остальные были толпа мелкая.

Русская партія была гораздо многочисленнѣе, составляла почти двѣ трети присутствующихъ, и главное, была много умнѣе, дѣловитѣе, энергичнѣе. Въ этой партіи выдавались: Божовскій, Тургеневъ, Семевскій, предсѣдатель Пинской повѣрочной комиссіи; Аполевъ, предсѣдатель Мозырской повѣрочной комиссіи; Карповъ, предсѣдатель Рѣчицкой повѣрочной комиссіи, Мѣльницкій, предсѣдатель Слуцкой повѣрочной комиссіи.

Засѣданія продолжались двѣ недѣли; шли безконечные споры, но результатовъ не было никакихъ. Въ сущности обѣ спорившія стороны были правы. Споры вертѣлись на правильности оцѣнокъ земель по выкупнымъ актамъ; какъ можно было рѣшить, не видѣвши оцѣненныхъ угодій, правильна ли оцѣнка? Аполевъ нашелъ въ Мозырскомъ уѣздѣ сѣнокосы, которые описывалъ такъ: великолѣпный заливной лугъ на рѣкѣ Припяти; называлъ рядъ лучшихъ кормовыхъ травъ, растущихъ на этомъ лугу; опредѣлялъ крупной цифрой сборъ сѣна на десятинѣ такого луга, исчислилъ, на осно-

ваніи этихъ данныхъ, дорогую цѣну за десятину луга, но сбавилъ съ цѣны этой двѣ трети, такъ какъ лугъ этотъ изъ 10 лѣтъ, систематически, бываетъ 6 лѣтъ и болѣе залитъ водою въ сѣнокосное время, отъ лѣтняго разлитія Припяти, вслѣдствіе дождей. Въ эти годы сбора сѣна съ этихъ луговъ не бываетъ никакого. Семевскій, работавшій рядомъ съ Аполевымъ, на той же Припяти въ Пинскомъ уѣздѣ, поддерживалъ Аполева, говорилъ, что въ Пинскомъ уѣздѣ часто встрѣчаются луга, съ которыхъ можно убрать сѣно не болѣе одного раза въ три, четыре года. Климовъ, работавшій въ лучшемъ, плодороднѣйшемъ изъ всѣхъ уѣздовъ Минской губерніи, Новогрудскомъ, гдѣ почва суглинистая, почти нѣтъ болотъ, хохоталъ, слушая докладъ Аполева, высмѣивалъ его и говорилъ, что Аполеву нашелъ переложные сѣнокосы.

А мы не вѣрили оцѣнкамъ Климова, который опредѣлялъ урожай пшеницы въ самъ десять, когда крестьяне, обжаловывая его оцѣнку, утверждали, что у нихъ и рожь родится не болѣе, какъ самъ-четверть, а пшеницу сѣютъ на панскихъ поляхъ, а на отведенныхъ имъ земляхъ нельзя сѣять ее.

Слушая эти доклады, я думалъ: кто ихъ разберетъ! Вѣрно Аполеву правду говорить, когда его поддерживаетъ Семевскій; условія природы, почвы одни въ ихъ мѣстахъ. А можетъ быть и Климовъ правъ! Почва въ Новогрудскомъ уѣздѣ хорошая, суглинистая. Словесными преніями нельзя было тутъ ничего доказать. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе сдѣлало крупную ошибку, что, получивъ такія жалобы, описывающія исключительныя, маловѣроятныя обстоятельства, не послало одного изъ своихъ членовъ проверить эти жалобы на мѣстѣ. Я позволилъ себѣ высказать это громко, къ немалому удивленію многихъ, признавшихъ это заявленіе правильнымъ, но смѣлымъ, выходкой противъ начальства. Споры разгорячались, перешли наконецъ въ личности; стали укѣрять другъ друга не въ ошибкахъ по оцѣнкѣ, а насъ, русскихъ, въ пристрастіи къ крестьянамъ; мы же, русскіе, упрекали полякующихъ въ угодничествѣ полякамъ-помѣщикамъ.

Хоментовскій не вмѣшивался въ споры, а только слушалъ ихъ, и даже не высказывалъ никакого мнѣнія о происходящемъ. Однажды утромъ, онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, онъ рѣзко приступилъ къ дѣлу. Однообразнымъ, безстрастнымъ своимъ голосомъ, онъ высказалъ, что разсматривалъ обжалованія, поданныя повѣреннымъ князя Витгенштейна на выкупные акты, составленные второю Бобруйскою повѣрочною комиссіею. Онъ призналъ оцѣнку земель, сдѣланную комиссіею, правильною, благоразумною, и всѣ дѣйствія комиссіи строго законными;

онъ относится съ полнымъ уваженіемъ къ моей дѣятельности, какъ предсѣдателя комиссіи, хотя, по его убѣжденію, цѣну за земли можно было назначить дороже. Тѣмъ болѣе поражаетъ его мой образъ дѣйствій на засѣданіяхъ общихъ совѣщаній комиссій, гдѣ я защищаю самыя крайнія, вредныя мнѣнія и дѣйствія. На удивленный вопросъ мой: „въ чемъ же именно и когда проявилъ я такую вредную дѣятельность?“ онъ перешелъ къ спорамъ на засѣданіяхъ, осуждалъ увлеченія обѣихъ сторонъ и упрекнулъ меня, что я поддерживаю такъ стойко партію русскую, которую онъ называлъ партіею Боновскаго. „Какъ можно вамъ, сказалъ онъ, коренному помѣщику, идти съ людьми, не признающими собственности, потому что у нихъ никогда не было и не будетъ никакого имущества? Вы, какъ помѣщикъ, вѣроятно, много потеряли, надѣляя своихъ крестьянъ землею, при правильномъ, спокойномъ ходѣ дѣлъ въ русскихъ губерніяхъ; войдите же въ положеніе помѣщиковъ этого края, которые однажды потеряли уже много, какъ вы, при составленіи уставныхъ грамотъ, и которыхъ теперь, раздувая національную вражду, разоряютъ вторично, окончательно! Правительство не сочувствуетъ такому образу дѣйствій крестьянскихъ учрежденій; оно желаетъ правильнаго, безпристрастнаго образа дѣйствій“.

Я возразилъ на это, что онъ справедливо напомнилъ мнѣ, что я помѣщикъ, самъ пострадалъ отъ уничтоженія крѣпостного права; но именно это сознаніе позволяетъ мнѣ дѣйствовать такъ, какъ я поступаю здѣсь, оберегая интересы крестьянъ. Я помню, какъ мои родители, мои сосѣди, смоленскіе дворяне помѣщики, исполнили свой долгъ, надѣляя крестьянъ.

Я три года повѣрялъ уставныя грамоты въ Вяземскомъ уѣздѣ и не знаю ни одного случая такого безстыднаго, безсердечнаго отбора земель при составленіи уставныхъ грамотъ, какіе я встрѣтилъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ, о какихъ слышу теперь на сѣздѣ. Видя ихъ и слыша объ этихъ злоупотребленіяхъ, я возмущаюсь и не знаю, ради чего я сталъ бы скрывать это негодованіе. Я дѣйствую такъ не какъ русскій человѣкъ, врагъ поляковъ, а какъ человѣкъ, принявшій на себя обязанность оберегать крестьянъ. Грабятъ, обижаютъ крестьянъ помѣщики-поляки, я останавливаю ихъ, парализую ихъ дѣйствія. Будь на мѣстѣ поляковъ русскіе помѣщики, я поступалъ бы съ ними точно также, если бы они отобрали землю у крестьянъ своихъ. Доказательствомъ тому служатъ дѣйствія второй Бобруйской повѣрочной комиссіи въ имѣніи князя Витгенштейна. Я знаю лично князя; онъ самъ всегда провозглашаетъ себя русскимъ человѣкомъ, и всѣ въ Петербургѣ признаютъ его такимъ. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ произнесъ въ обществѣ хоть

одно польское слово; но какъ предсѣдатель повѣрочной комиссiи, я не стѣсняясь раскрывалъ злоупотребленiя его управляющихъ и причинялъ тѣмъ убытки князю, русскому человѣку.

Хоментовскiй сдѣлалъ какiя-то очень сомнительныя возраженiя и кончилъ бесѣду такъ: „я говорю съ вами по полномочию генералъ-губернатора Кауфмана. Онъ желаетъ поставить во главѣ крестьянскаго дѣла людей сдержанныхъ, благомыслящихъ. Онъ твердо рѣшилъ прекратить тѣ притѣсненiя, скажу даже: издѣвательства надъ поляками-помѣщиками, цѣлаго ряда которыхъ мы были свидѣтелями даже здѣсь, на засѣданiяхъ. Я предлагаю вамъ мѣсто члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствiя, здѣсь въ Минскѣ, если вы дадите мнѣ слово отнынѣ открыто поддерживать меня, когда я буду указывать въ засѣданiи тѣ основанiя крестьянскаго дѣла, которыя правительство признаетъ правильными. Оно требуетъ благо-разумныхъ оцѣнокъ, прекращенiя травли поляковъ. Я убѣдился, что вы пользуетесь уваженiемъ своихъ сослуживцевъ, имѣете влiянiе на нихъ и можете быть полезнымъ мнѣ. Вы знаете, что теперь распределяютъ между русскими дѣятелями конфискованныя имѣнiя. Если вы примете мое предложенiе, я именемъ генерала Кауфмана обѣщаю вамъ передачу имѣнiя Кiевичи и Филипповичи Слуцкаго уѣзда. Это имѣнiе оцѣнивается въ 100.000 рублей; оно будетъ вамъ уступлено за 10.000 руб., съ уплатою ихъ въ разсрочку, въ теченiе десяти лѣтъ. Обдумайте мое предложенiе; приходите ко мнѣ завтра въ 10 час. утра“.

Предложенiе Хоментовскаго ошеломило меня и глубоко оскорбило; я былъ имъ озадаченъ и не могъ дать себѣ отчета: чѣмъ подалъ я Хоментовскому поводъ предположить, что я способенъ, изъ за предложенныхъ имъ выгодъ, измѣнить свои убѣжденiя, что я человѣкъ продажный? Неужели мое поведенiе здѣсь было такъ двулично, такъ подозрительно, что люди могли составить себѣ обо мнѣ такое мнѣнiе? Чтобы одуматься, чтобы не выдать своего волненiя, а главное, чтобы при встрѣчѣ съ Хоментовскимъ, публично не выразить ему своего негодованiя, я не пошелъ въ засѣданiе, сославшись на головную боль, и вечеромъ не видѣлся со своими сослуживцами, а провелъ вечеръ у барона Штакельберга, моего товарища по гвардiи.

У меня не было ни одной минуты сомнѣнiя на счетъ того, что принять предложенiе Хоментовскаго я не могу. Это рѣшенiе было твердо и ясно въ умѣ моемъ; я колебался только насчетъ того: рассказать ли сослуживцамъ моимъ о предложенiи Хоментовскаго? Послѣ бессонной ночи, я рѣшилъ: ничего не говорить, а на дѣлѣ доказать, что я себя и свои убѣжденiя не продаю. Я твердо рѣ-

•

шилъ: удалиться изъ Сѣверо-Западнаго края и возвратиться въ свою батарею, въ гвардію; но сдѣлать это тихо, прилично.

На другой день я не пошелъ къ Хоментовскому, а когда онъ пришелъ въ засѣданіе, подошелъ къ нему и вполголоса, не протягивая ему руки, оффиціально, сказалъ: „г. полковникъ, вчерашнее предложеніе ваше я принять не могу. Въ виду оскорбительности его для меня, прошу васъ сохранить разговоръ этотъ въ тайнѣ; я поступлю также!“ поклонился и ушелъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Черезъ нѣсколько дней кончились, совершенно безрезультатно, засѣданія повѣрочныхъ комиссій, и я уѣхалъ въ Бобруйскъ, гдѣ ждала меня новая, очень интересовавшая меня работа.

По случаю повстанія и обременительныхъ трудовъ, понесенныхъ крестьянами при усмирении мятежа, крестьяне сѣверо-западныхъ губерній, въ тѣ годы, освобождены были отъ рекрутской повинности. Въ 1866 году назначенъ былъ рекрутскій наборъ, въ которомъ должны были участвовать и губерніи Сѣверо-Западнаго края. Проверка рекрутскихъ списковъ была поручена мировымъ посредникамъ, а для разсмотрѣнія обжалованій на неправильности и назначенія рекрутъ былъ возстановленъ уѣздный сѣздъ мировыхъ посредниковъ, распущенный во время повстанія. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, послѣ ухода Ратынскаго, не было предводителя дворянства, который по закону предсѣдательствуетъ на этомъ сѣздѣ. Генераль-губернаторъ Кауфманъ назначилъ меня предсѣдателемъ Бобруйскаго сѣзда мировыхъ посредниковъ, оставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Я участвовалъ въ производствѣ наборовъ по Вяземскому уѣзду и потому хорошо зналъ это дѣло, и съ охотою взялся за него въ Бобруйскомъ уѣздѣ. Не мало польстило моему самолюбію и назначеніе меня предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ посредниковъ, хотя эта должность была безденежна, не оплачивалась. Незадолго передъ тѣмъ, Воронцовъ оставилъ должность мирового посредника и былъ замѣненъ молодымъ пѣхотнымъ офицеромъ Федоромъ Михайловичемъ Березинымъ, симпатичнымъ, честнымъ, который всею душою отдался новой своей должности.

Мировые посредники Яковлевъ, князь Дивѣевъ и Березинъ, всѣ въ первый разъ знакомились съ дѣлопроизводствомъ и практикой рекрутскаго набора, и мнѣ пришлось не руководить, а прямо обучать ихъ всему. Мы внимательно проверили всѣ списки и очереди рекрутскіе, представленные волостными правленіями, разсмотрѣли всѣ обжалованія, заявленныя крестьянами. Засѣданія сѣзда производились открыто и повидимому пришлись по душѣ крестьянамъ; они говорили, что при панахъ никогда не бывало такъ честно, хорошо. Наборъ сошелъ спокойно, гладко, безъ недоумокъ.

Окончивъ эту работу, я испросилъ мѣсячный отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ устраивать свои личныя дѣла, то есть переговорить съ своими товарищами и начальствомъ по гвардейской конной артиллеріи о возвращеніи въ мою батарею, гдѣ моя вакансія не была занята и числилась за мною. Проѣзжая черезъ Минскъ, я остановился тамъ. Божовскій встрѣтилъ меня извѣстіемъ, что онъ уже не членъ Минскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и уѣзжаетъ на-дняхъ въ Варшаву. Онъ давно уже потерялъ довѣріе къ успѣшному ходу русскаго дѣла въ Минской губерніи и вообще въ этомъ краѣ. Назначеніе Кавелина членомъ Минскаго губернскаго присутствія, первые самоувѣренные шаги его въ этомъ присутствіи, открытая проповѣдь его о черезъ мѣру усиленной охранѣ крестьянскими учрежденіями крестьянъ и систематическомъ будто бы угнетеніи польскихъ помѣщиковъ; затѣмъ поведеніе Хоментовскаго и бесѣда съ нимъ, передъ его отъѣздомъ изъ Минска, окончательно открыли глаза Божовскому. Онъ тотчасъ послалъ въ Варшаву, въ учредительный комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, прошеніе о предоставленіи ему въ Царствѣ Польскомъ должности, соотвѣтствующей его теперешнему положенію. На-дняхъ онъ получилъ форменное извѣщеніе о зачисленіи его въ составъ учредительнаго комитета и предложеніе немедленно явиться въ Варшаву. Онъ надѣялся получить тамъ должность предсѣдателя комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, какъ Снявскій.

Я признался Божовскому, что также твердо рѣшилъ покинуть Минскую губернію и ѣду теперь въ Петербургъ, съ цѣлью возвратиться въ батарею; но я все-таки не упомянулъ ни словомъ о попыткѣ подкупить меня, сдѣланной Хоментовскимъ. Божовскій призналъ основательнымъ мое желаніе оставить Минскую губернію, но уговаривалъ меня не покидать крестьянское дѣло, въ которомъ я приобрѣлъ теперь такой опытъ и такія познанія; совѣтовалъ обратиться также въ учредительный комитетъ; обѣщалъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, собрать свѣдѣнія, могу ли я получить тамъ хорошее назначеніе.

Въ Вильнѣ я тоже остановился; мнѣ хотѣлось основательно вникнуть въ положеніе дѣла и убѣдиться, есть ли надежда на успѣшный ходъ русскаго дѣла въ этомъ краѣ. Я явился къ Левшину, руководителю крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Я теперь только познакомился съ Левшинымъ; его не было въ Вильнѣ, когда я пріѣзжалъ туда въ 1864 году. Я пришелъ въ негодованіе отъ этого знакомства. Какъ могъ разумный, проникательный М. Н. Муравьевъ поручить такое важное дѣло Левшину? Это былъ типичный бюрократъ: самоувѣренный, самодовольный и невѣжда въ своемъ

дѣлѣ. Крестьянское дѣло онъ изучилъ на бумагѣ, изъ Положенія 19 февраля 1861 г., множества министерскихъ циркуляровъ и распоряженій, которые онъ звалъ наизусть и на которые ссылался, какъ на евангельскіе тексты; но, повидимому, не былъ никогда ни мировымъ посредникомъ, ни какимъ-либо дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу; не зналъ, не понималъ крестьянина, деревни. Онъ принялъ меня вѣжливо, наговорилъ много фразъ и заявилъ, что невозможно проѣхать черезъ Вильну и не представиться генераль-губернатору; что онъ черезъ полчаса идетъ съ докладомъ къ нему доложить ему о моемъ желаніи представиться ему. Часа черезъ два я получилъ повѣстку: начальникъ края предлагаетъ мнѣ явиться къ нему въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера. Пораженный быстротою распоряженія, я конечно въ 8 часовъ былъ въ пріемной генераль-губернатора, показалъ дежурному чиновнику полученную мною повѣстку. Онъ взялъ ее, пошелъ докладывать кому-то и возвратился съ извѣстіемъ: приказано обождать! Ждать пришлось недолго; какой-то адъютантъ провелъ меня черезъ нѣсколько комнатъ въ кабинетъ Кауфмана.

Я никогда не видалъ до тѣхъ поръ Кауфмана, имѣлъ очень поверхностное понятіе о ходѣ его прошлой службы и еще болѣе смутное понятіе о его намѣреніяхъ по дѣятельности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Кауфманъ встрѣтилъ меня привѣтливо; сказалъ, что пригласилъ меня сегодня, чтобы не задерживать моего отпуска, что онъ желалъ познакомиться со мною, такъ какъ полковникъ Хоментовскій, по возвращеніи изъ Минска, указалъ ему на меня, какъ на одного изъ выдающихся дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Минскѣ. Докладъ Хоментовскаго о положеніи крестьянскаго дѣла въ этой губерніи оставилъ въ немъ, Кауфманѣ, очень печальное впечатлѣніе; онъ доложилъ ему, что двухнедѣльное совѣщаніе повѣрочныхъ комиссій было совершенно безплодно; ничего не выработало, не разъяснило и даже еще болѣе запутало, затемнило дѣло. Между тѣмъ, тотъ же Хоментовскій увѣряетъ, что составъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Минской губерніи хорошъ; есть даже выдающіеся люди. Что могло быть причиною ихъ вредной дѣятельности?

Вся виѣшность генерала Кауфмана, его спокойная манера говорить, мягкій голосъ, ясный, откровенный вопросъ расположили меня въ его пользу, возбудили мое довѣріе. Я спросилъ его: дозволить ли онъ откровенно высказать ему мое убѣжденіе? Онъ отвѣтилъ, что именно для этого пригласилъ меня, и что ему дорого узнать истину, разъяснить себѣ положеніе дѣла.

Я высказалъ Кауфману то, что давно было у меня на душѣ. Я сказалъ: вся бѣда въ Минской губерніи та, что тамъ некому руко-

водить прекраснымъ составомъ мировыхъ посредниковъ и повѣрочныхъ комиссій, которыя любятъ свое дѣло, честно относятся къ нему. Я описалъ первый съѣздъ ихъ при Кожевниковѣ, высказалъ мое уваженіе къ Кожевникову, соединенное съ сознаниемъ, что онъ не умѣлъ соединить, обработать все высказанное на съѣздѣ. Онъ не устранилъ тѣхъ затрудненій, на которыя жаловались члены повѣрочныхъ комиссій, и отправилъ ихъ работать второе лѣто въ тѣхъ потемкахъ, ощупью, какъ прошлое лѣто. То же самое повторилось на второмъ, только-что окончившемся съѣздѣ. Губернаторъ Шелгуновъ не знаетъ крестьянскаго дѣла и не дѣлалъ даже попытокъ руководить съѣздомъ. Спорить о правильности оцѣнокъ въ засѣданіи бесполезно. Губернскому присутствію надо было предварительно провѣрить ихъ на мѣстѣ. Хоментовскій сдѣлалъ ошибку, что не принялъ предсѣдательство на съѣздѣ, не овладѣлъ умами и волею этихъ людей, желавшихъ добиться истины. Онъ себя поставилъ на ногу слѣдователя, а не руководителя, и своимъ образомъ дѣйствій возбудилъ общее недоверіе къ себѣ. Не ненависть къ полякамъ заставляетъ мировыхъ посредниковъ и повѣрочныя комиссіи разыскивать отобранныя у крестьянъ земли, а сознание своего долга, бѣдственное положеніе обнищавшихъ крестьянъ. Поляки же, чтобы закрыть правду, стараются простому, юридическому дѣлу о розыскахъ отобранной земли придать оттѣнокъ политическаго преслѣдованія. Я точно такъ же въ Смоленской губерніи повѣрялъ уставныя грамоты, исправлялъ неправильно составленныя, въ самый дружественной и милой мнѣ средѣ, и не возбудилъ къ себѣ никакой ненависти, заслужилъ добрую память.

Кауфманъ спокойно слушалъ меня; выраженіе лица его оставалось пріятное, благорасположенное. По временамъ онъ дѣлалъ мнѣ вопросы и говорилъ: „продолжайте пожалуйста!“ Наконецъ, онъ всталъ; мы разговаривали, сидя за письменнымъ столомъ его, и сказалъ: „благодарю васъ за вашъ откровенный рассказъ. Горячность вашей рѣчи показываетъ, что вы любите свое дѣло, и возбудили мое доверіе. Я вѣрю тому, что вы мнѣ передали. На обратномъ пути изъ Петербурга непременно явитесь ко мнѣ“.

Когда я вышелъ изъ кабинета, взглянулъ на часы, висѣвшіе на стѣнѣ, я увидѣлъ, что разговоръ мой съ Кауфманомъ продолжался часъ. Въ увлеченіи, я не замѣтилъ этого.

Въ Петербургѣ меня встрѣтили извѣстіемъ, что состоялось распоряженіе о призывѣ къ мѣстамъ служенія офицеровъ, откомандированныхъ въ Западный край для службы по крестьянскимъ учрежденіямъ. Начальство объявило мнѣ, что я долженъ немедленно возвратиться въ батарею, или перейти въ гражданскую службу, если

желаю оставаться предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Я разска- залъ и начальству и товарищамъ, что именно для того, чтобы по- ступить опять въ батарею свою, я явился въ Петербургъ. Въ Пе- тербургѣ меня ожидалъ отецъ мой, котораго я просилъ пріѣхать туда. Долго рассказывалъ я ему все пережитое мною за эти годы; долго думали мы: какъ направить мнѣ дальнѣйшую жизнь мою, и отецъ мой высказалъ мнѣніе, совершенно неожиданное мною. Онъ повторилъ мнѣ совѣтъ, данный Божовскимъ: продолжать службу по крестьянскому дѣлу, но не въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а по учре- дительному комитету въ Царствѣ Польскомъ. Онъ высказалъ, что военная служба сдѣлала свое дѣло: приучила меня къ дисциплинѣ, развила предприимчивость, смѣлость. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ за- нятій такимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ крестьянское дѣло, военная служба уже не удовлетворитъ меня. Жаль, при томъ, бросить тѣ знанія и опытъ, которые я выработалъ себѣ трудами по крестьян- скому дѣлу! Это дѣло живое и съ будущимъ: оно только начинается; будущее его широко, безконечно. Онъ не совѣтовалъ мнѣ оставаться въ Западномъ краѣ. По его мнѣнію, съ уходомъ Муравьева, въ Западномъ краѣ остановилась правильная дѣятельность. Кауфманъ человѣкъ расположенный ко всему хорошему; но ему не подъ силу одолѣть то, что одолѣвалъ Муравьевъ; при томъ онъ совершенно одинокъ. Помощникъ его, Потаповъ, человѣкъ двуличный и съ на- правленіемъ, радикально противоположнымъ тому, что желаетъ про- вести Кауфманъ. Потаповъ посланъ въ Вильну именно съ цѣлью парализовать русское направленіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Рабо- тать для водворенія тамъ такого направленія русскому нельзя. На- конецъ, не слѣдуетъ молодому, полному силъ человѣку, зарываться на вѣки въ такой глуши, какъ Бобруйскъ. То, что мнѣ сулятъ въ Минской губерніи, я могу сейчасъ получить у себя, въ Вязьмѣ. На- дняхъ будутъ дворянскіе выборы, и дворяне поручили отцу моему узнать: соглашусь ли я баллотироваться на должность уѣзднаго пред- водителя дворянства. Все, что говорилъ отецъ мой, давно таилось въ душѣ моей, и онъ только съ обычной своей прозорливостью и глубокимъ знаніемъ моихъ стремленій и чувствъ выдвинулъ это на явь. Я любилъ свою гвардейскую конную батарею; мнѣ жаль было покинуть ее; но я полюбилъ и крестьянское дѣло, я уже со- зрѣлъ для серьезнаго умственнаго труда. Совѣщанія наши кончи- лись на такомъ рѣшеніи: пользуясь знакомствомъ съ Н. А. Милути- нымъ, отецъ мой поѣдетъ къ нему и спроситъ его: можетъ ли онъ дать мнѣ въ Царствѣ Польскомъ должность по крестьянскому дѣлу? Отецъ обратилъ мое вниманіе на Царство Польское, такъ какъ въ составъ учредительнаго комитета вошелъ цвѣтъ русской интелли-

генціи: Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій, Самаринъ, Кошелевъ, Я. А. Соловьевъ. Работать подъ руководствомъ ихъ не то, что выслушивать указанія Потапова, Левшина и Хоментовскаго.

Отецъ разсказалъ Милютину мои занятія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, выяснилъ, почему я не желаю продолжать службу тамъ; разсказалъ даже предложеніе Хоментовскаго. Милютинъ выразилъ желаніе переговорить со мною. Я явился къ нему и сразу былъ очарованъ имъ, его мыслями, всѣмъ, что онъ высказалъ, какъ программу дѣйствій учредительнаго комитета. Онъ подробно разспросилъ меня о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи, и я былъ удивленъ, что онъ знаетъ о немъ очень многое. Въ концѣ разговора нашего онъ сказалъ мнѣ, что я могу быть полезенъ въ учредительномъ комитетѣ; но онъ уже снялъ съ себя заботу о личномъ составѣ служащихъ въ комитетѣ. Теперь эта обязанность возложена на завѣдывающаго дѣлами учредительнаго комитета Я. А. Соловьева; я долженъ обратиться къ нему съ просьбою о принятіи меня на службу въ учредительный комитетъ. Онъ обѣщалъ, со своей стороны, написать обо мнѣ Я. А. Соловьеву и рекомендовать ему меня съ хорошей стороны.

Я на другой же день послалъ прошеніе на имя Я. А. Соловьева о предоставленіи мнѣ должности въ учредительномъ комитетѣ и упомянулъ, что о причинахъ моего нежеланія продолжать службу въ Сѣверо-Западномъ краѣ ему могутъ дать точныя свѣдѣнія Божовскій и Снявскій. Божовскаго я просилъ повидаться съ Соловьевымъ и извѣстить меня въ Петербургѣ: могу ли я рассчитывать на скорый переводъ въ вѣдомство учредительнаго комитета. Не прошло двухъ недѣль, какъ я получилъ отъ Божовскаго извѣстіе, что Соловьевъ уже сдѣлалъ распоряженіе зачислить меня въ вѣдомство учредительнаго комитета, и на-дняхъ состоится о томъ приказъ. Дѣйствительно, я еще въ Петербургѣ получилъ приглашеніе Соловьева прибыть въ Варшаву, такъ какъ я причисленъ къ центральной по крестьянскимъ дѣламъ комиссіи, съ содержаніемъ въ 2.500 руб., то есть тѣмъ самымъ, что я получалъ въ Бобруйскѣ. Гвардейскому своему начальству и товарищамъ я откровенно разсказалъ свои новыя предположенія о службѣ и просилъ дать мнѣ отсрочку на нѣсколько времени, относительно отчисленія отъ гвардіи, чтобы я могъ убѣдиться: могу ли я сдѣлать такой рѣшительный шагъ, какъ уходить изъ гвардіи навсегда; по сердцу ли придется мнѣ дѣло въ Варшавѣ. Начальство согласилось на это.

Въ Вильнѣ Левшинъ съ оскорбленнымъ видомъ выслушалъ, что я покидаю службу въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и доказывалъ мнѣ, что я дѣлаю неблагоприятный шагъ. Генераль-губернаторъ Кауфманъ,

предупрежденный Левшинымъ о моемъ уходѣ, ласково простился со мною на официальномъ приѣмѣ. Минскій губернаторъ высказалъ нѣсколько любезныхъ сожалѣній. Тургенева уже не было въ Минскѣ: онъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ получилъ хорошее назначеніе.

Съ Бобруйскомъ я разстался спокойно. Я работалъ тамъ два года, услышалъ отъ крестьянъ и сослуживцевъ мировыхъ посредниковъ искреннія, неподдѣльные сожалѣнія, что я покидаю ихъ. Друзья мои, баронъ Штейнгель и генералъ Пистолькорсъ, еще раньше меня уѣхали изъ Бобруйска. Баронъ Штейнгель былъ переведенъ на ту же должность въ Минскъ, а генералъ Пистолькорсъ получилъ прекрасное, спокойное мѣсто въ Петербургѣ, кажется, въ Военномъ Совѣтѣ. Образованнымъ, развитымъ людямъ тяжело было жить въ Бобруйской глуши, и мы всѣ покинули ее.

Очень скоро изъ Минской губерніи уѣхали Аполевъ и еще нѣсколько мировыхъ посредниковъ и членовъ повѣрочныхъ комиссій. Всѣ они, какъ и мы, ранѣе ушедшіе, сознавали, что при новомъ направленіи, водворившемся въ Минской губерніи, надо измѣнить русскому дѣлу, предать крестьянъ-бѣлоруссовъ въ руки поляковъ-помѣщиковъ. Таковъ былъ блестящій результатъ командировки полковника Хоментовскаго въ Минскъ, для успокоенія и приданія правильнаго направленія крестьянскому дѣлу. Онъ изгналъ изъ Минска именно тѣхъ лицъ, которыхъ, въ отчетѣ генералъ-губернатору Кауфману, самъ же назвалъ выдающимися дѣятелями; онъ не сумѣлъ заставить ихъ уважать его и принять его коварные совѣты измѣны. Достойный подвигъ Хоментовскаго былъ награжденъ: онъ получилъ конфискованное великолѣпное имѣніе Изяславль, въ 24 верстахъ отъ Минска, на желѣзной дорогѣ, у самой станціи того же названія. Климовъ получилъ имѣніе Кіевичи и Филипповичи, которое предлагалъ мнѣ Хоментовскій.

Мудрый управитель М. Н. Муравьевъ сдѣлалъ непростительную историческую ошибку. Онъ ввѣрилъ веденіе крестьянскаго дѣла неспособному лицу, слишкомъ мало занимался имъ. Не помогъ дѣлу и устроенный имъ совѣщательный комитетъ; дѣловыхъ, знающихъ людей скоро выжили оттуда, замѣнили ихъ людьми однородными съ главою—Левшинымъ. Крестьянское дѣло такъ и шло: шаталось вправо и влево, не выработало, что требовалось для благоденствія края.

Что именно и какъ нужно было сдѣлать для правильнаго хода крестьянскаго дѣла, я увидѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ для этого была образована центральная комиссія по крестьянскимъ дѣламъ. Членами этой комиссіи были князь Черкасскій, Самаринъ, Кошелевъ, а руководителемъ опытный крестьянскій дѣтель Я. А. Соловьевъ,

бывшій начальникъ земскаго отдѣла при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Бдучи въ повозкѣ, а затѣмъ въ вагонѣ желѣзной дороги, я перебиралъ все пережитое, прочувствованное мною въ этомъ краѣ. Припомнилось мнѣ тяжелое впечатлѣніе перваго посѣщенія Вильны, мое недоумѣніе: не лучше ли оборотить оглобли, тотчасъ уѣхать изъ этой несимпатичной обстановки? Я говорилъ себѣ теперь: ты не могъ уѣхать, ты долженъ былъ остаться, работать тутъ; этого требовали долгъ гражданина, долгъ русскаго человѣка. Но первое твое впечатлѣніе, неблагоприятное, брезгливое, было вѣрно, и я уѣзжалъ съ твердымъ убѣжденіемъ: не можетъ идти дѣло здѣсь хорошо. Тутъ не было и нѣтъ правды; царствуютъ ложь, лицемеріе.

Николай Полевой.

